

УДК 930.85 + 008

С.В. Зяблицева**СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI в.)**

В статье представлены история и эволюция социокультурного потенциала Западной Сибири в контексте культурной политики государства, выявляются и характеризуются позитивные и негативные позиции изучаемого явления. В результате выдвигаются основные положения для улучшений в области организационного, экономического и кадрового обеспечения социокультурного процесса в стране и регионе, что позволило бы оптимизировать деятельность сети социокультурных учреждений, способствовать более динамичному развитию сибирского региона.

Ключевые слова: социокультурный потенциал, учреждения социокультурной сферы, Западная Сибирь.

Поскольку понятие «социокультурный потенциал» еще не столь часто употребляется в историко-культуроведческих исследованиях, для начала отметим, что под этой дефиницией автор имеет в виду ее энциклопедическое толкование, т.е. «источники, возможности, средства культуры, которые могут быть использованы для решения социально-культурных задач» [1]. Под последними, в свою очередь, подразумеваются духовно-нравственное и художественно-эстетическое воспитание населения, а также реализация творческих и рекреативных потребностей личности в условиях ее свободного времени.

Будучи составным элементом социально-культурной сферы (сферы организованного и нормативно регулируемого бытия культуры), функционально ориентированной на «сохранение, созидание, распространение и освоение культурных ценностей» [2], социокультурный потенциал являет собой самостоятельную структурированную систему, состоящую из комплекса институтов культуры и искусства, в той или иной мере входящих в сферу государственных интересов. В подобном контексте важным представляется обращение к тем страницам истории культуры Западной Сибири (а также России в целом), которые характеризуют не только (а в свете содержания данной статьи – не столько) перипетии становления и результаты развития социокультурного потенциала региона, сколько переменчивую роль государства в этом процессе, напрямую зависевшую от господствовавшего в стране политического режима.

Система социальных институтов культуры, представлявшая собой комплекс культурно-просветительных (так называемых внешкольных) и культурно-досуговых учреждений, в Западной Сибири начала складываться уже на рубеже XIX–XX вв. Интенсивное торгово-промышленное освоение восточных территорий, поставившее задачу комплексного изучения края, его

истории, экономики, природных ресурсов, переселенческая политика царского правительства, «выдавливавшая» на окраины страны большие массы населения (во многом носившие маргинальную окраску), настоятельно требовали создания социально-культурной инфраструктуры, способной справиться как с научными задачами регионоведения, так и с общей целью повышения культурных и реализации рекреативных потребностей жителей края.

К моменту установления в Западной Сибири советской власти в регионе уже имелась относительно развитая сеть книгохранилищ, состоявшая из научных библиотек Западно-Сибирского отделения Русского географического общества и Томского университета, публичных библиотек, частных, общественных и ведомственных собраний, а также бесплатных сельских библиотек-читален. На исходе XIX в. на сибирской почве стал приживаться и институт клуба, как в виде учреждений для проведения досуга и духовного общения представителей высших сословий общества (дворянских, купеческих и офицерских собраний), так и массовых просветительных учреждений клубного типа – общедоступных народных домов, создававшихся для отдыха и просвещения рабочих и другого простого люда. В особую социокультурную систему в тот же период стала складываться музейная сеть региона. Наряду с традиционными краеведческими стали появляться и музеи другого рода – школьные, научно-образовательные, родинovedения, прикладных знаний и наглядных пособий, музеи по отраслям муниципальной деятельности и т.д. При этом в сибирском обществе музей изначально позиционировался как «...учреждение, носящее двойственный характер: с одной стороны, он должен исследовать и изучать, с другой – популяризировать знания и учить, следовательно, это учреждение и ученое, и учебное. В этой двойственности музея его сила и значение» [3, 4]. Широко известным и доступным для жителей наиболее крупных городов региона («культурных гнезд») было драматическое искусство. Только в Томске до революции функционировали 4 театра: три драматических, в одном из которых ставились также оперные спектакли, и театр оперетты. В Омске уже в 1886 г. имелось общество, объединявшее любителей драмы [5]. «Слабым звеном» в складывавшейся системе социокультурных учреждений являлось музыкальное искусство. «Хотя к началу XX в., – описывают ситуацию авторы Исторической энциклопедии Сибири, – профессиональная музыка проникла далеко на восток, вплоть до Тихого океана, Сибирь по отношению к центру оставалась периферией. Определяющую роль в музыкальной культуре Сибири играло любительство и гастрольное исполнительство» [6].

С позиций рассматриваемой темы в данном случае важен тот факт, что вся система социокультурных учреждений региона изначально носила ярко выраженный общественный и светский характер, базировалась преимущественно на частной или коллективной организационной и финансовой инициативе, а сами учреждения культуры являлись структурными элементами различного рода общественно-просветительских, научных либо учебных организаций. Роль государства при этом чаще всего ограничивалась моральной поддержкой, регистрацией учреждений культуры, утверждением их уставов, выделением единовременных пособий, содействием в сборе пожертвований на постройку зданий или организацию научных экспедиций. Не имея ни сво-

его законодательства, ни специального ведомства, «культурно-просвещенческое» дело в дореволюционной Сибири так и не стало «делом государевым».

Ущербность подобной политики как с позиций народного интереса, так и самого государства прекрасно понимали большевики, придавшие социокультурной сфере такой вектор развития, который в пределах 1920–1930-х гг. (с «перерывом» на НЭП) превратил составлявшие ее институты в основное средство воспитания человека и общества в духе вырабатывавшихся партией идеологических представлений и политических установок. В рамках подобной парадигмы учреждения культуры и искусства стали позиционироваться не только в качестве культурно-просветительных и культурно-досуговых, но также (на отдельных этапах – преимущественно) политико-просветительных, производственно-просветительных и агитационно-пропагандистских центров.

По нашим наблюдениям, в наибольшей мере функциональной деформации подверглась музейная сеть региона (как, впрочем, и страны в целом). Изначально возникнув в качестве научно-просветительных и научно-исследовательских центров, «местных академий», ориентированных на освоение края, познание его истории, демографии, природных ресурсов, методов природопользования, музеи под воздействием партийно-государственных установок были низведены до уровня стандартных культурно-просветительных учреждений, мало чем отличавшихся от клубов и библиотек советского периода.

Функционируя на основе вырабатывавшихся партией идеологических представлений и политических директив, учреждения культуры и искусства на долгий срок превратились в одну из отраслей народного хозяйства, находившуюся по большей части не только под политико-идеологическим контролем, но и под материально-финансовым патронажем советского государства. Их материальный и творческий потенциал формировался и реализовывался в заданных партией параметрах, определявших не только цели, задачи, содержание и идеологическую направленность их деятельности, но также масштабы и темпы развития их инфраструктурных составляющих.

Отмеченные обстоятельства политико-идеологического свойства, а также насыщенные потребности форсированного социально-экономического развития сибирского региона вкупе с серьезными демографическими переменами, вызванными этим процессом, привели к созданию в Западной Сибири многоотраслевой системы культурно-просветительной и культурно-досуговой деятельности, включавшей в себя широкую сеть учреждений культуры и искусства, технических служб, обеспечивавших их функционирование и обширную сферу влияния, организационные и методические структуры, равноуровневые учебные заведения культурно-просветительного и художественного профиля.

Политика развития социокультурного потенциала Западной Сибири советского периода была направлена, во-первых, на закрепление населения в регионе и повышение его культурного уровня в условиях специфического социального состава городского населения, «окрестьяненного» в условиях высоких темпов и широких масштабов индустриального строительства, и, во-

вторых, на сдерживание процесса социального расслоения общества. Уравнивая с помощью целого комплекса средств и технологий права различных групп и слоев сибирского общества на приобщение к культурным ценностям и получение общественно значимой информации, подобная стратегия способствовала не только повышению культурного уровня жителей региона, но также социальной стабильности и укреплению доверия населения к основным направлениям, методам и способам осуществления внутренней и внешней политики советского государства. Важнейшим результатом деятельности организаций и учреждений социально-культурной сферы Западной Сибири советского периода явилось сокращение разрыва между социокультурным потенциалом городских и сельских территорий; преодоление культурной замкнутости значительного числа глубинных населенных пунктов; обогащение духовной жизни населения, прежде всего части крестьянства и рабочих новых индустриальных центров.

Автор при этом отнюдь не склонен преувеличивать достижения в социокультурной сфере Западно-Сибирского региона, даже с учетом того факта, что по темпам развития она (сфера) на ряде этапов опережала большинство других районов страны. Несмотря на происходившие позитивные процессы в области культурного строительства, в Западной Сибири советского периода сохранялось серьезное отставание ее социально-культурного потенциала от уровня развития других общественных систем и культурных запросов населения, обусловленное не только сибирской спецификой, но и во многом являвшееся следствием реализации в регионе советской государственной политики в этой сфере общественной жизни. На наш взгляд, основными негативными факторами в данном случае являлись:

– «догоняющий» характер развития социокультурной сферы региона по отношению к большинству европейских районов страны;

– определявшаяся превратностями экономического свойства, а также не всегда последовательной политикой государства перманентная смена фаз активного формирования социально-культурной сферы региона фазами отступления от уже достигнутого уровня, отчего, развиваясь в русле синусоидальной модели, она преимущественно прогрессировала по формуле «два шага вперед – шаг назад»;

– финансирование всех отраслей региональной культуры по остаточному принципу, а также постоянное невыполнение планов строительства и ремонта учреждений культуры и искусства;

– непрестижность профессии культпросветработника, обусловленная низким уровнем оплаты труда, слабой материально-бытовой защищенностью и соответствующим общественным статусом, следствием чего являлся постоянный дефицит в кадровом сегменте социокультурной сферы региона, недостаточный профессиональный уровень части работников, их постоянная массовая ротация, усугублявшиеся географическими и климатическими особенностями Сибири.

Сдерживающим (если не сказать – тормозящим) фактором явилась и сложившаяся система отношений между советским государством и его социокультурными институтами в финансово-хозяйственной сфере. Последние, по сути, оказались заложниками ситуации, с одной стороны, характеризо-

вавшейся объективной неспособностью государства полноценно выполнять взятую на себя функцию их материально-финансового гаранта, а с другой – отсутствием у этих институтов сколько-нибудь серьезных прав на проведение коммерческой деятельности, выходящей за рамки их прямого предназначения. В подобном контексте вполне оправданным представляется вывод о том, что истоки многих современных проблем российской и, соответственно, региональной системы культуры и искусства не следует искать исключительно в перипетиях конца 1980-х – начала 1990-х гг., но и в особенностях советской культурной политики, которая, превратив социокультурные институты в проводников социалистических идей и соответствовавшего им образа жизни и поведения, одновременно приучила их к роли иждивенцев государства со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Неудивительно, что быстрее и эффективнее всего к новым рыночным условиям приспособились те немногочисленные организации, которые и в годы советской власти жили преимущественно в обстановке материального и финансового самообеспечения.

Исторический экскурс в дальнее и ближнее прошлое России, позволяющий выявить диаметрально противоположные подходы к роли государства в организации социокультурного процесса, а также представления о функциональном предназначении социально-культурных институтов (как и обращение в этой связи к международному опыту) представляется весьма полезным с позиций современной ситуации в этой сфере российской культуры.

Как известно, в отличие от дореволюционного времени, характеризовавшегося отсутствием каких-либо государственных органов управления культурой, краеугольным камнем советской концепции руководства социокультурным процессом являлось наличие иерархической властной вертикали, в региональных пределах имевшей трехступенчатую систему подчиненности, – от сельских и городских культпросветучреждений до областного и краевого уровня. В основе же новой парадигмы развития отечественной культуры лежит реализованная на практике идея децентрализованной структуры управления. В реальности это означает передачу практически всего спектра полномочий по руководству культурной деятельностью в ведение местных властей, в собственности которых к настоящему времени оказалось 96% учреждений культуры Российской Федерации. Последние, однако, в силу отсутствия у большинства из них серьезных финансовых возможностей, опыта работы в этой сфере без оглядки на указания «сверху» и в то же время сохранившихся представлений о вторичности культуры в системе бюрократических ценностей, к полномерному выполнению этой миссии оказались попросту не готовы. Прямым следствием подобного реформирования явился фактический отказ от доминировавшей в советское время и во многом оправдавшей себя практики прогнозирования и проектирования процесса развития региональных и муниципальных систем культурно-досуговых институтов. Стратегия их материально-технического прогресса и функционирования нередко отсутствует как на территориальном, так и на учрежденческом уровнях.

Наиболее острой в новых политико-экономических обстоятельствах стала проблема финансового обеспечения сферы культуры, резко обострившаяся в условиях перехода от одной модели ее субсидирования к другой. Мировой, в

том числе советский, опыт показывает, что, за небольшим исключением, учреждения культуры и искусства были, есть и, скорее всего, будут убыточными предприятиями, нуждающимися в постоянной поддержке «со стороны». В советском обществе, как отмечалось, основным источником их субсидирования являлось государство, а также, в значительно меньшей степени, промышленные и аграрные предприятия. В новой системе общественных отношений был запущен механизм, основанный на представлениях об институтах культуры и искусства как самодостаточных, а следовательно, самофинансирующихся хозяйственных субъектах. За основу при этом была взята западная модель, в соответствии с которой экономическое благополучие культурно-досуговых учреждений должно обеспечиваться на трех уровнях: предпринимательском (т.е. осуществляемом самими этими учреждениями), спонсорском и государственном (при минимальном участии последнего). В результате реализации подобного подхода основная часть массовых культурно-просветучреждений региона к настоящему времени оказалась в чрезвычайно тяжелой финансовой ситуации, что явилось причиной потери в пределах 1990–2010 гг. значительного числа традиционных организаций и учреждений культуры, особенно в группе библиотек, клубов, кинотеатров, парков культуры и отдыха, отмеченной как на региональном, так и на общероссийском уровне; сокращения в связи с этим численности активных и пассивных субъектов массовой культуры; разрушения единства библиотечных и музейных фондов, а также централизованных библиотечных систем; ликвидации в ряде территорий органов управления культурой и культурно-методических центров.

Одновременно, за небольшим исключением, ушли в прошлое такие ранее широко распространенные формы социокультурной жизни, как массовые смотри, конкурсы и фестивали художественной самодеятельности, являвшиеся важным стимулом улучшения работы и увеличения численности коллективов народного творчества, повышения мастерства их участников. Значительно уменьшилась и гастрольная деятельность профессиональных и самодеятельных творческих трупп и бригад, следствием чего явилось обеднение культурной жизни малых и средних городов и в наибольшей мере сельских территорий. Сопутствующим фактором этих и иных негативных процессов стала очевидная коммерциализация сферы культуры и искусства, сопровождающаяся погоней за прибылью в ущерб высокому художественному уровню и пропаганде нравственных идеалов и духовных ценностей.

В сложившейся ситуации выдвинем следующие основные положения гипотетического (и, не исключено, дискуссионного) характера, способные, на наш взгляд, улучшить положение в области организационного, экономического и кадрового обеспечения социокультурного процесса в стране и регионе:

- Как показывают итоги всероссийских мониторингов досуговых предпочтений населения, а также социологических исследований, проведенных томскими учеными в 2003–2010 гг. на территории Алтайского края, Томской и Новосибирской областей, для значительной части сельского населения, жителей малых, средних и даже ряда больших городов муниципальные объекты культуры в условиях реструктуризации учреждений культурно-досугового типа являются единственными структурами, обеспечивающими конституционные права граждан на пользование учреждениями культуры и доступ к

культурным ценностям. Это объективно предполагает их сохранение (восстановление) и развитие в качестве основных проводников национальной культурной политики и альтернативы коммерческому, так называемому «кафейному» сектору культуры (ночные клубы, развлекательные центры, рестораны, кафе). С учетом, разумеется, новых обстоятельств функционирования и внесения поправок в виды, формы и методы деятельности.

- Наметившиеся регрессивные процессы в социокультурной инфраструктуре страны и регионов могут быть нейтрализованы преимущественно посредством активизации роли государства как гаранта общедоступности культурных ценностей и сохранения «культуртрегерской» функции культурно-досуговых учреждений. Прямое влияние государственной власти, как и в советский период российской истории, должно осуществляться, во-первых, в области законодательства, конкретно оговаривающего характер взаимоотношений и степень подчиненности органов управления культурой по горизонтали и вертикали власти, а также формы, методы и пределы контроля за содержанием и направленностью деятельности культурно-досуговых учреждений. Во-вторых, в целях сохранения, развития и использования культурного потенциала на территориальном и отраслевом уровнях власть должна выступать в качестве одного из основных акторов финансовой и материальной поддержки этих учреждений, поручителем их «экономической безопасности» в пределах переживаемого страной переходного периода. Естественно, это не исключает подобного рода помощь со стороны промышленных предприятий, коммерческих и иных структур – как посредством прямого спонсорства, так и путем отчислений в областные (краевые) фонды развития культуры и искусства.

- Прибегая к советскому опыту патронирования сферы культуры, использования ее учреждений в качестве проводников национальной культурной политики, государство в то же время не должно, опираясь на свой административный и экономический ресурс, превращать социокультурные институты в идеологическое оружие тех или иных политических сил или промышленно-финансовых групп, а также вмешиваться в художественный процесс. В данном случае вполне уместно обращение к западной практике, характеризующейся ограждением деятелей и учреждений культуры и искусства от политического давления и государственной цензуры; экспертизой их продукции по принципу «художника должен судить только художник»; постоянным контролем попечительских советов за расходованием средств, из какого бы источника они ни исходили, а также соответствием деятельности социокультурных институтов правовым и этическим нормам.

- Целесообразным представляется всемерное использование плановых подходов к развитию культурного потенциала на среднесрочную и долгосрочную перспективу как на уровне территорий, так и культурно-досуговых учреждений. С учетом положительного и негативного опыта советского периода, чрезвычайно важно связанные с этим процедуры осуществлять при непосредственном участии работников культуры и искусства, представленных не только в администрациях территорий, но и в региональных и муниципальных законодательных органах власти, а также представителей общности, в том числе научной, привлечение которых должно содействовать

повышению качества разрабатываемых программ с учетом интересов и запросов населения, их теоретическому обоснованию;

- Прогрессирующий процесс коммерциализации сферы культуры со всеми присущими ему разнохарактерными проявлениями актуализирует и такую проблему, как изучение и обобщение опыта хозяйственной деятельности культурно-досуговых учреждений, накопленного в дореволюционной и современной России, а также в странах Запада, где подобные институты в своем большинстве всегда функционировали в условиях рынка, требующих, выражаясь языком социологов, грамотного менеджмента («управления ресурсами»), маркетинга («понимания, на какую аудиторию ты работаешь и чего ей хочется») и пиара («позиционирования учреждения в информационном поле»).

- В свете предыдущего тезиса весьма злободневным является вопрос целенаправленной подготовки административных кадров (арт-менеджеров), умеющих действовать на пересечении искусства и его организации, разбирающихся в творческих аспектах деятельности учреждений культуры и в то же время способных обеспечить их экономическую стабильность на основе многоканальных источников финансирования. Формирование на этих принципах новой популяции организаторов культуры делает возможным отказ от присущей советскому времени, а нередко применяемой и поныне, практики назначения на подобные должности так называемых «эффективных менеджеров», не только не разбирающихся в специфике творческого процесса, но и распространяющих на эту сферу бюрократические, директивные методы руководства, противоречащие специфике ее жизнедеятельности и социально-культурному предназначению.

Реализация предполагаемых мер позволила бы оптимизировать деятельность сети социокультурных учреждений, реализовать получающую все большую поддержку идею формирования в стране общественно-государственной системы организации и функционирования социально-культурных институтов, а в целом способствовала бы более динамичному развитию сибирского региона во всех его проявлениях.

Литература

1. Хоруженко К.М. Культурология: энцикл. слов. Ростов/на Д, 1997. С. 391.
2. Закон Российской Федерации «Основы законодательства РФ о культуре». Раздел I. Ст. 4.
3. Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. 25. С. 57.
4. Шелегина О.Н. Музеи Сибири: Очерки создания, развития, адаптации. Новосибирск, 2010. С. 87.
5. ГА РФ. Ф. А 2313. Оп. 6. Д. 132. Л. 8.
6. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск, 2009. С. 339.